

ОТЗЫВЫ

Когда в руки попадает хорошая увлекательная книга, хочется быстрее дочитать ее до конца, но в то же время мечтаешь, чтобы она никогда не заканчивалась. Не буду говорить, какие чувства вызывает книга Цзя Чунда, потому что читатели не нуждаются в докучливых отзывах рецензентов, портящих первое впечатление.

Я был знаком с его статьями и потому с нетерпением ждал, когда он напишет книгу. Я взял ее с собой в поездку и не спеша смаковал одну главу за другой до самого рассвета, пока не загорелись светофоры и машины не выстроились в пробках.

Насколько я знаю, Цай Чунда писал эту книгу долго, и мне жаль, что я не мог читать ее еще дольше. Не спешите, не пробегайте глазами текст, чтобы быстрее дойти до конца. Тише едете — дальше будете.

*Хань Хань**

11 ноября 2014 года

Чтобы жизнь стала ярче

Мы познакомились с Цаем Чунда два-три года назад, и я вскоре понял, не раз беседуя с ним по душам, что он чистосердечный и искренний человек. Я знал, что он журналист, но никогда не читал, что он пишет, пока он не прислал мне свою книгу.

Я сразу почувствовал, что она в точности такая, как он сам: открытая и искренняя. Автор без утайки описывает свой жизненный опыт, не скрывая пережитых радостей, огорчений, удовольствий, скорби и страсти. Он обо всем говорит так, как это было на самом деле.

* Хань Хань — китайский автогонщик, певец, писатель, самый популярный в Китае блогер. После выхода в 2000 году романа «Тройная дверь» получил известность и как писатель; за последние двадцать лет его роман, разошедшийся тиражом свыше 20 млн, стал самым успешным китайским бестселлером. *Здесь и далее примечания переводчика.*

Когда осознаешь непостоянство и мимолетность человеческой жизни, порой хочется отстраниться, чтобы уберечь себя, если событие не затрагивает тебя напрямую. Но, видя, как Цай Чунда раскрывает душу и обнажает сердце, забываешь о безразличии и апатии, поскольку переживания его героев задевают тебя за живое — каждый может поставить себя на их место. Они представляются нам такими знакомыми и такими обычными — это и понятно, ведь мы все и есть обычные люди.

Наша жизнь меняется в зависимости от того, каких людей мы встречаем на своем пути. Некоторые вдохновляют нас и ведут за собой как путеводная звезда. В своей книге Цай Чунда рассказывает о тех, кого он встретил на своем жизненном пути. Благодаря им он шаг за шагом добивался своих целей. А мне встретился Цай Чунда. Я прочитал его книгу, и она озарила мою жизнь.

Энди Лау (Лю Дэхуа)
30 сентября 2014 года*

Зная сердце, узнаешь человека

- Если тело сгниет, что останется?
- Душа останется.
- Правда? А у людей есть душа?
- Есть.
- Ты прямо как Сян Линь**. Ну ладно, ладно. Я тебе верю.

Что происходит с душами, покинувшими тело? Они спускаются в преисподнюю, поднимаются в рай или блуждают по свету? Когда я читал сочинения древних, мне всегда казалось, что голодные бесприютные духи мечтают о том, чтобы вновь стать людьми, вновь заполучить телесную оболочку — тот самый кожаный мешок.

* Энди Лау (Лю Дэхуа) — известный гонконгский певец и актер.

** Сян Линь — главная героиня рассказа Лу Синя «Моление о счастье».

Ведь он, кожаный мешок, дарит нам тепло, счастье и наслаждение. И в то же время из-за хрупкости этой оболочки мы испытываем стыд и боль.

Цай Чунда написал книгу и назвал ее «Из кожи вон».

Когда я читал про смерть его отца и тот момент, как автор кричал от боли и гнева, то почувствовал, что со мной происходит какая-то странная вещь.

Мои железы вдруг зафункционировали и стали выделять жидкость, которую люди называют слезами.

Я убеждал себя, что нет смысла плакать, ведь такое в мире случается каждую минуту.

И дело не в том, что при жизни у нас не хватает времени заботиться о родителях, как они того заслуживают. Как ужасно, что все люди обречены на страдание, одиночество и беспомощность. Сын ничем не поможет отцу. Все тщетно. Похоже, жестокий закон кожаного мешка ничего не обещает — ни чуда, ни надежды.

Все так. Но только у кожаного мешка, какого бы объема он ни был, есть сердце.

Человеческую жизнь можно уподобить путешествию с кожаным мешком за плечами, мешком, внутри которого лежит сердце.

Сердце часто спит, но иногда оно просыпается; когда это происходит, оно освещает мешок изнутри.

Когда в темноте загорается много таких «фонариков», люди видят и узнают друг друга.

«Из кожи вон» — это книга о том, что, узнав сердце, узнаешь человека.

Цай Чунда родился в 1980-е годы. Я давно обратил внимание, что тема отцовства стала исчезать из литературы начиная с 1970-х годов, словно отец находится где-то далеко и черты его лица уже расплываются в памяти. Фигура отца больше не вызывает уважения, страха, сопротивления, не является объектом анализа. Отец скрывается за завесой, растворяется в тени.

Но отец Цая Чунда неоднократно появляется в книге. Автор со смешанными чувствами описывает, как отец покидает родной дом, приезжает обратно, заболевает, пытается побороть болезнь и сохранить достоинство, но терпит поражение и словно возвращается в детство, а потом покидает этот мир.

Мы увидели свет, который пробивался у него изнутри, мы увидели его отвращение, любовь, раздражение, жалость, тревоги и лишения.

И еще мы видели, как Цай Чунда рос и взрослел.

Став взрослым, он осветил горящим сердцем и других людей, которых встречал в своей жизни. Именно поэтому он написал свою книгу. «Познай самого себя», — говорил западный мудрец*.

Но чтобы узнать самого себя, нужно сначала узнать других людей.

Благодаря тому что мы встречаемся с разными людьми, взаимодействуем с ними, озаряем их своим светом, мы лучше узнаем себя. Таковы законы мира людей, о котором писала Сьюзен Сонтаг**. Человеку непременно хочется видеть смысл в этой жизни.

Тяжело, наверное, писать такую книгу.

Должно быть, его сердце исполосовано шрамами.

Но это и хорошо, так как израненное сердце — сердце, которое болит, истекает слезами, дрожит, — остается восприимчивым и чутким, оно сжимается и бьется.

Порой тело забывает о нем. Но живое, бьющееся, горящее сердце всегда помнит о теле, ведь наша телесная оболочка обозначает жизненные пределы. Возможно, в жизни потому и есть смысл, что она конечна. Чтобы противостоять смерти, мы из последних сил тянемся к другим людям, выходим из себя, напрягаем силы и волю, вождедем и мечтаем.

*Познай самого себя — на самом деле эта древнегреческая надпись, высеченная в виде граффити на стене античного храма Аполлона в Дельфах, не имеет авторства.

**Сьюзен Сонтаг (англ. Susan Sontag; 1933–2004) — известная американская писательница, эссеистка, критик.

Все это крайне важно и интересно, но все равно смысл жизни ускользает от нас.

Вот почему душа, которая, с точки зрения китайцев, живет в сердце, так привязана к своей человеческой оболочке. Китайцы верят, что в небесных чертогах нестерпимо холодно. Кто захочет остаться в ледяном раю? Каждый предпочтет вернуться в мир людей и прожить жизнь заново.

*Раз на раз не приходится,
Сон и явь отличаются.
Если переписать все заново,
Придется начать все сызнова:
И падать в пропасть,
И разбивать сердце.*

Я не могу определить, что это за книга, — во всяком случае это не роман и не автобиография. Но точно знаю, чем она не является, — это не развлекательная модная книжонка и не занудный «творческий труд». Литература не так важна, как жизнь, как тело, как сердце. Литература намного проще. Цай Чунда не пишет «гладко», в его стиле есть шероховатость и недосказанность, но, когда он раскрывает перед нами душу, не думаешь о стиле и приемах, а видишь только, как он, положив руку на сердце, рассказывает о том, что ему довелось пережить. Ведь он так молод, но столько испытал...

*Ли Цзинцзэ**
8 ноября 2014 года

* Ли Цзинцзэ — вице-председатель Союза писателей Китая.

Оглавление

Глава 1. Из кожи вон	13
Глава 2. Дом моей матери	17
Глава 3. Бренность	38
Глава 4. Рождество в отделении интенсивной терапии	62
Глава 5. Небесные друзья матери	83
Глава 6. Красавица Чжан.	108
Глава 7. Малыш первый и Малыш второй	126
Глава 8. Гениальный Вэньчжань	150
Глава 9. Хоупо	179
Глава 10. Море не спрячешь	218
Глава 11. Тысяча одинаковых городов	221
Глава 12. Вопрос, на который мы все должны когда-нибудь ответить.	227
Глава 13. Возвращение	233
Глава 14. Куда бежит поезд?.	244
Послесловие. Я хочу это видеть	250

Из кожи вон

Моя прабабушка со стороны матери дожила до девяноста девяти лет. Нрав у нее был крутой. Ее дочь — моя бабушка — внезапно умерла на шестом десятке. Что может быть ужаснее, чем пережить собственного ребенка? Родственники беспокоились за прабабушку и по очереди присматривали за ней. Однако в день похорон она, бранясь без всякого повода, суетливо засеменила к гробу, открыла крышку и взглянула на лицо дочери, потом проверила на кухне, готовы ли жертвенные приношения. Вернувшись в зал, прабабушка услышала шум — кто-то пытался убить курицу, но не сумел перерезать сонную артерию, и несчастная металась по всему дому, разбрызгивая кровь. Прабабушка резво бросилась к птице, схватила ее и со всей силы безжалостно швырнула об пол.

Курица несколько раз беспомощно дернула лапкой и затихла. «Так-то лучше! Негоже, чтоб душа мучилась в теле», — прабабушка порой выражалась весьма витиевато, хотя и была безграмотной крестьянкой. Правда, некоторые считали ее колдуньей.

Все, словно онемев, молча смотрели на нее.

На похоронах прабабушка не проронила ни звука. Даже когда гроб с телом вот-вот должен был отправиться в печь, она лишь прищурилась и бросила на рыдающих родственников косой, будто презрительный взгляд. Не исключено, что прабабушка просто клевала носом — ведь она была уже очень старой.

Я тогда ходил в первый класс. У меня не укладывалось в голову, как можно быть такой холодной и бесчувственной. Помню, я все теребил ее: «Бабушка, разве тебе не грустно?» Корявое от старости лицо разглаживалось в едва уловимой улыбке: «А какой в том прок?»

Эту фразу я потом слышал от нее много раз. После смерти дочери она часто приходила к нам в гости. Как-то прабабушка сказала: «Умирая, она просила позаботиться о тебе, Черныш. У тебя ведь нет других бабушек и дедушек, а родители вечно пропадают на работе». Тогда-то я уразумел смысл слов, произнесенных на похоронах.

Прабабушка не знала жалости. Стоило лишь взглянуть, как она резала овощи и мясо — одинаково остервенело кромсая листья и отделяя плоть от костей. Однажды я услышал, как она тихо ахнула на кухне. «Ба, что случилось?» — крикнул я из другой комнаты. «Да ничего, только палец отрезала», — ответила она. Все засуетились, забегали вокруг нее, а она невозмутимо наблюдала за суматохой, словно это вовсе ее не касалось.

Пока мы с матерью ждали у больничной палаты, где прабабушке пришивали кончик пальца, мать рассказала мне историю про моего дядю. Когда он был еще маленьким, прабабушка решила научить его плавать и просто бросила в море. Еще чуть-чуть, и дядя утонул бы, но сосед, наблюдавший за этой сценой, не выдержал и прыгнул за ним. Ребенка он спас. А через пару дней увидел, как она снова швырнула внука в воду. Люди называли ее бессердечной, а прабабушка лишь цедила сквозь зубы: «Пусть тело служит человеку, а не человек телу».

Когда прабабушку выписали из больницы, я не вытерпел и спросил ее, правду ли рассказала мать. Она спокойно кивнула: «Все верно. Чего ради холить этот кожаный мешок? Знай, как им пользоваться, тогда выйдет толк». Говоря по правде, в то время мне было невдомек, что она имеет в виду.

Мне казалось, она сделана из камня и с ней не может случиться ничего плохого. В нашем городке все знали, какая она упертая. Даже когда прабабушке перевалило за девяносто, она передвигалась из деревни в город на своих двоих, ковыляя на крошечных перебинтованных ножках. Когда ее пытались посадить в машину, она страшно сердилась и говорила мне: «Нет уж, выбирай. Хочешь — иди со мной пешком, а нет — сама дойду». Так что жители городка часто видели, как молодой парень поддерживает старушку, медленно бредущую к себе домой.

И все-таки мне довелось увидеть, как прабабушка плачет. Как-то, решив залатать прохудившуюся крышу, она полезла наверх, а спускаясь, оступилась и упала. В результате ее парализовало — правда, на время. Она угадывала мое присутствие, стоило мне только приблизиться к ее двери, и начинала причитать: «Внучек, милый мой, я как в ловушке, даже пошевелиться не могу». Через пару недель она потребовала, чтобы ей дали пройти, но, сделав несколько шагов, упала. Прабабушка заплакала и заставила меня пообещать, что я буду регулярно ее проводывать. С тех пор она каждый день, толкая перед собой стул, добиралась до двери и весь день напролет ожидала моего появления. Я забегал к ней так часто, как мог, особенно если меня что-то беспокоило. Мы молча сидели рядом, и мне было хорошо и спокойно.

Потом я поступил в университет, нашел работу в другом городе. Мы виделись очень редко, но всякий раз, когда у меня случались неприятности, я отпрашивался с работы и спешил к ней, чтобы побыть рядом. Я рассказывал ей о своих проблемах, в которых она ничего не понимала — а может быть, и вовсе меня не слышала, ведь она уже стала туга на ухо, — но на ее изрезанном морщинами лице мелькала чуть растерянная улыбка, и мне непонятно почему сразу становилось легче на душе.

Однажды, в самое обычное утро, я узнал о ее смерти. Позвонила мать и сказала, что прабабушка покинула нас. Мы оба заплакали.

Она пересказала мне ее последние слова: «Скажи Чернышу, чтоб не горевал. Смерть — всего лишь ступенька. Если он будет меня помнить, я приду его навестить. Когда сбросишь с себя мешок, это даже проще».

В тот день я до конца понял смысл прабабушкиных слов, до меня наконец дошло, как она видела этот мир: насколько легче было бы жить, если бы нас не обременяли наши тела и низменные плотские желания. «Пусть тело служит человеку, а не человек телу», — бабушка, я запомню это. Пожалуйста, выполни обещание и приходи меня навестить.